

Владимир Бенедиктов

Сборник стихотворений 1838 г.

«Public Domain»

1838

Бенедиктов В. Г.

Сборник стихотворений 1838 г. / В. Г. Бенедиктов — «Public Domain», 1838

«Одеты ризою туманов
И льдом заоблачной зимы,
В рядах, как войско великанов,
Стоят державные холмы.
Привет мой вам, столпы
создания,
Нерукотворная краса,
Земли могучие восстанья,
Побеги праха в небеса!...»

Содержание

Горные выси	5
Перл	6
Развалины	7
(Кудри)	8
Певец	10
Море	12
Искра	17
Возвратись!	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владимир Григорьевич Бенедиктов

Сборник стихотворений 1838 г.

Горные выси

Одеты ризою туманов
И льдом заоблачной зимы,
В рядах, как войско великанов,
Стоят державные холмы.
Привет мой вам, столпы создания,
Нерукотворная краса,
Земли могучие восстанья,
Побеги праха в небеса!
Здесь – с грустной цепи тяготенья
Земная масса сорвалась,
И, как в порыве вдохновенья,
С кипящей думой отторженья
В отчизну молний унеслась;
Рванулась выше... но открыла
Немую вечность впереди:
Чело от ужаса застыло,
А пламя спряталось в груди:
И вот – на тучах отдыхая,
Висит громада вековая,
Чужая долу и звездам:
Она с высот, где гром рокошет,
В мир дольний ринуться не хочет,
Не может прыгнуть к небесам.

О горы – первые ступени
К широкой, вольной стороне!
С челом открытым, на колени
Пред вами пасть отрадно мне.
Как праха сын, клонюсь главою
Я к вашим каменным пятам

С какой – то робостью, – а там,
Как сын небес, пройду пятою
По вашим бурным головам!

Перл

Что такое счастье наше?
Други милые, оно —
Бытия в железной чаше
Перл, опущенный на дно.
Кто лениво влагу тянет
И боится, что хмельна,
Слабый смертный, — не достанет
Он жемчужного зерна!
Кто ж, согрев в душе отвагу,
Вдруг из чаши дочиста
Гонит жизненную брагу
В распаленные уста —
Вот счастливец! — Дотянулся —
Смело чашу об земь хлоп!
Браво! Браво! — Оглянулся:
А за ним отверстый гроб!

Развалины

Обломки... Прах... Все сумрачно и дико!
В кусках столбы – изгнанники высот;
В расселины пробилась повилика
И грустная по мрамору ползет.
Там – чуть висят полунагие своды;
Здесь – дряхлая стоит еще стена,
Она в рубцах; ее иссекли годы
И вывели узором письма;
Прочли ль вы их? – Здесь летопись природы
На зодчестве людей продолжена.

Здесь время быть художником желало
И медленно, огнем и влагой бурь
Согнав долой и пурпур и лазурь,
Таинственные краски набросало,
И, наступив широкою пятой
На мрачные, безмолвные руины,
Любуется могильной красотой
Без кисти им написанной картины.
Тут башня опочила, преклонясь,
Встававшая на небо великаном,
Теперь своим полуистлевшим станом
На груды прежде павших оперлась
И старчески лежит, облокотясь.
Дщерь времени! Тебя изъело тленье,
Исчезло все – и крепость и краса,
Устала ты лететь на небеса
И, брэнная, легла в изнеможенье.

Вот ночь. Луна глядит как лик земли,
В серебре ее чрезоблачного взгляда,
Сквозь пар ночной, на вышине, вдали
Является нестройная громада —
Без очерков, как призрак без лица,
И грудями колонн разбитых звенья
Виднеются – под желтой пылью тленья
Разбросаны, как кости мертвеца,
Лишенные святого погребенья.
Немая тишь... Один неровный шум
Своих шагов полночный путник слышит,
И возмущен в нем рой неясных дум —
И все окрест глубокой тайной дышит.

(Кудри)

Кудри девы – чародейки,
Кудри – блеск и аромат,
Кудри – кольца, струйки, змейки,
Кудри – шелковый каскад!
Вейтесь, лейтесь, сыпьте дружно,
Пышно, искристо, жемчужно!
Вам не надобен алмаз:
Ваш извив неуловимый
Блещет краше без прикрас,
Без перловой диадемы,
Только роза – цвет любви,
Роза – нежности эмблема —
Красит роскошью эдема
Ваши мягкие струи.
Помню прелесть пирной ночи:
Живо помню я, как вы,
Задремав, чрез ясны очи
Ниспадали с головы:
В ароматной сфере бала,
При пылающих свечах,
Пышно тень от вас дрожала
На груди и на плечах;
Ручка нежная бросала
Вас небрежно за ушко,
Грудь у юношей пылала
И металась высоко.
Мы, смущенные, смотрели —
Сердце взорами неслоь,
Ум тускнел, уста немели,
А в очах сверкал вопрос.
(Кто ж владелец будет полный
Этой россыпи златой?
Кто – то будет эти волны
Черпать жадною рукой?
Кто из нас, друзья – страдалцы,
Будет амбру их впивать,
Навивать их шелк на пальцы,
Поцелуем припекать,
Мять и спутывать любовью
И во тьме по изголовью
Беззаветно рассыпать?)

Кудри, кудри золотые,
Кудри пышные, густые —
Юной прелести венец!

Вами юноши пленялись,
И мольбы их выражались
Стуком пламенных сердец,
Но снедаемые взглядом
И доступны лишь ему,
Вы ручным бесценным кладом
Не далися никому:
Появились, порезвились —
И, как в море вод хрусталь,
Ваши волны укатились
В неизведанную даль!

Певец

Бездомный скиталец – пустынный певец —
Один, с непогодою в споре,
Он реет над бездной, певучий пловец
Безъякорный в жизненном море;
Всё в даль его манит неведомый свет:
Он к берегу рвётся, а берега нет.

Он странен; исполнен несбыточных дум,
Бывает он весел – ошибкой;
Он к людям на праздник приходит – угрюм,
К гробам их подходит – с улыбкой;
Всеобщий кумир их ему не кумир; —
Недаром безумцем зовёт его мир!

Он ищет печалей – и всюду найдёт.
Он вызовет, вымыслит муки,
Взлелеет их в сердце, а там перельёт
В волшебные, стройные звуки,
И сам же, обманутый ложью своей,
Безумно ей верит и плачет над ней.

Мир чёрный бранит он и громы со струн
Срывает карающей дланью:
Мир ловит безвредно сей пышный перун,
Доволен прекрасною бранью;
Ему для забавы кидает певец
Потешное пламя на мрамор сердец!

Перед девой застенчив; он милой своей
Не смеет смутить разговором;
Он, робкий, трепещет приблизиться к ней,
Коснуться к ней пламенным взором; —
Святое молчанье смыкает уста,
Кипучая тайна в груди заперта;

И если признаньем язык задрожит —
Певец не находит напева,
Из уст его буря тогда излетит,
И вздрогнет небесная дева,
И трепетный ангел сквозь пламя и гром
Умчится, взмахнув опалённым крылом.

Захочет ли дружбе тогда протянуть
Страдалец безбрачную руку —
На чью упадёт он отверстую грудь?

Родной всему свету по звуку,
Он тонет в печальном избытке связей.

Врагов он находит, – но это рабы,
Завистников рой беспокойных;
Для жарких объятий кровавой борьбы
Врагов ему нету достойных:
Один, разрушитель всех собственных благ
Он сам себе в мире достойнейший враг!

Море

В вечернем утишии покоятся воды,
Подёрнуты лёгкой паров пеленой;
Лазурное море – зеркало природы —
Безрамной картиной лежит предо мной.
О море! – ты дремлешь, ты сладко уснуло
И сны навеваешь на душу мою;
Свинцовая дума в тебе потонула,
Мечта лобызает поверхность твою.
Отраднa, мила мне твоя бесконечность;
В тебе мне открыта красавица – вечность;
Брега твои гордым раскатом ушли
И скрылась от взора в дали безответной:
У вечности также есть берег заветный,
Далёкий, незримый для сына земли;
На дне твоём много сокровищ хранится,
Но нам недоступно, неизвестно оно;
И в вечности также, быть может, таится
Под тёмной пучиной богатое дно,
Но, не дано силы уму – исполину:
Мысль кинется в бездну – она не робка,
Да груз её лёгок и нить коротка!

Солнце в облаке играет,
Запад пурпуром облит,
Море солнца ожидает,
Море золотом горит;
И из облачного края
Солнце, будто покидая
Пелены и колыбель,
К морю сладостно склонилось
И младенцем погрузилось
В необъятную купель;
И с волшебной полутьмою
Ниспадая свысока,
В море пышной бахромою
Окунулись облака.

Безлунна ночь. Кругом она
Небрежно звезды разметала,
Иные в тучах затеряла,
И неги тишь ее полна.
И небеса и море дремлют,
И ночь, одеянную мглой,
Как деву смуглую объемлют
И обнялись между собой.

Прекрасны братские объятья!
Эфир и море! – Вы ль не братья?
Не явны ль очерки родства
В вас, две таинственные бездны?
На море искры – проблеск звездный
На небе тучи – острова;
И, кажется, в ночном уборе
Волшебно опрокинут мир:
Там – горнее с землями море,
Здесь, долу – звезды и эфир.

Чу! там вздохи переводит
неги полный ветерок;
Солнце из моря выходит
На раскрашенный восток,
Будто бросило купальню
И, любовь горя,
Входит в пурпурную спальню
Где раскинулась заря,
И срывая тени ночи,
Через радужный туман
Миру в дремлющие очи
Бьет лучей его фонтан.
Солнце с морем дружбу водит,
Солнце на ночь к морю сходит, —
Вышло, по небу летит,
С неба на море глядит,
И за дружбу неба брату
От избытка своего
Дорогую сыплет плату,
Брызжет золотом в него;
Море злата не глотает,
Отшибает блеск луча,
Море гордо презирает
Дар ничтожный богача;
Светел лик хрустально – зыбкой,
Море тихо – и блестит,
Но под ясною улыбкой
Думу темную таит:

«Напрасно, о солнце, блестящею пылью
С высот осыпашь мой вольный простор!
Одежда золотая отрадна бессилью,
Гиганту не нужен роскошный убор.
Напрасно, царь света, с игрою жемчужной
Ты луч свой на персях моих раздробил:
Тому ль нужны блески и жемчуг наружной,
Кто дивные перлы в груди затаил?
Ты радуешь, греешь пределы земные,

Но что мне, что стрелы твои калены!
По мне проскользая, лучи огневые
Не греют державной моей глубины».

Продумало море глубокую думу;
Смирна его влага: ни всплеска, ни шуму!
Но тишь его чем – то грозящим полна;
Заметно: гиганта томит тишина.
Сон тяжкий его оковал – и тревожит,
Смутил, взволновал – и сдавил его грудь;
Он мучится сном – и проснуться не может,
Он хочет взречься – и не в силах дохнуть.
Взгляните: трепещет дневное светило.
Предвидя его пробуждения миг,
И нет ли где облака, смотрит уныло,
Где б спрятать подернутый бледностью лик...

Вихорь! Взрыв! – Гигант проснулся,
Встал из бездны мутный вал,
Развернулся, расплеснулся,
Закипел, заклокотал.
Как боец, он озирает
Взрытых волн степную ширь,
Рыщет, пенится, сверкает —
Среброглавый богатырь!

Кто ж идет на вал гремучий?
Это он – пучины царь,
Это он – корабль могучий,
Волноборец, храм пловучий,
Белопарусный алтарь!
Он летит, ширококрылый,
Режет моря крутизны,
В битве вервия, как жилы
У него напряжены,
И как конь, отваги полный,
Выбивает он свой путь,
Давит волны, топчит волны,
Гордо вверх заносит грудь.
И с упорными стенами,
С неизменною кормой,
Он, как гений над толпой,
Торжествует над волнами.
Тщетно бьют со всех сторон
Влажных гор в него громады:
Нет могучему преграды!
Не волнам уступит он —
Нет; пусть прежде вихрь небесный,
Молний пламень перекрестный

Мачту, парус и канат
Изорвут, испепелят!
Лишь тогда безвластной тенью
Труп тяжелый корабля
Влаги бурному стремленью
Покорится, без руля...

Свершилось... Кончен бег свободной
При вопле бешеных пучин
Летит на грань скалы подводной
Пустыни влажной бедуин.
Удар – и взят ревущей бездной,
Измят, разбит полужелезной,
И волны с плеском на хребтах
Разносят тяжкие обломки,
И с новым плеском этот прах
От волн приемлют их потомки.
О чем шумит мятежный рой
Сих чад безумных океана?
Они ль пришельца – великана
Разбили в схватке роковой?
Нет; силы с небом он изведаль,
Под божьим громом сильный пал,
по вихрю мысли разметал,
Слепым волнам свой остров предал,
А груз – пучинам завещал;
И море в бездне сокровенной
тот груз навеки погребло
И дар богатый, многоценной
В свои кораллы заплело.

Рев бури затихнул, а шумные волны
Все идут, стремленья безумного полны; —
Одни исчезают, другим уступив
Широкое место на вечном просторе.
Не тот же ль бесчисленных волн перелив
В тебе, человечества шумное море?
Не так же ль над зыбкой твоей шириной
Вослед за явленьем восходит явленье,
И время торопит волну за волной,
И волны мгновенны, а вечно волненье?

Здесь – шар светоносный над бездной возник,
И солнце свой образ на влаге узнало,
А ты, море жизни, ты – божье зеркало,
Где видит он, вечный, свой огненный лик!

О море, широкое, вольное море!
Ты шумно, как радость, глубоко, как горе;

Грозна твоя буря, светла твоя тишь;
Ты сладко волненьем душе говоришь.

Люблю твою тишь я: в ней царствует нега;
На ясное, мирное лоно твое
Смотрю я спокойно с печального берега,
И бьется отраднее сердце мое;
Но я не хотел бы стекла голубого
В сей миг беспокойной ладьей возмутить
И след человека – скитальца земного —
На влаге небесной безумно чертить.

Когда ж над тобою накатятся тучи,
И ветер ударит по влаге крылом,
И ал твой разгульный, твой витязь могучий,
Серебряным гребнем заломит шелом,
И ты, в красоте величавой бушуя,
Встаешь, и стихий роковая вражда
Кипит предо мною – о море! тогда,
Угрюмый, от берега прочь отхожу я.
Дичусь я раскатов валов твоих зреть
С недвижной границы земного покоя:
Мне стыдно на бурю морскую смотреть,
Лениво на твердом подножьи стоя.
Тогда, если б взор мой упал на тебя,
Тобою бы дико душа взлюбовалась,
И взбитому страстью, тебе б показалась
Обидной насмешкой улыбка моя,
И занято небо торжественным спором,
Сияя в венце громового огня,
Ты б мне простонало понятным укором,
Презрительно влагой плеснуло в меня!

Я внемлю разливу гармонии дивной...
Откуда?... Не волны ль играют вдали?
О море, я слышу твой голос призывной,
И рвусь, и грызу я оковы земли.
О, как бы я жадно окинул очами
Лазурную рябь и лазурную твердь!
Как жадно сроднился б с твоими волнами!
Как пламенно бился б с родными насмерть!
Я понял бы бури музыку святую,
Душой проглотил бы твой царственный гнев,
Забыл песни неги, и песнь громовую
Настроил под твой гармонический рев!

Искра

Дикий камень при дороге
Дремлет глыбою немой;
В гнев гром, земля в тревоге:
Он недвижим под грозой.
Дни ль златые улыбнуться —
Всюду жизнь заговорит,
Всюду звуки отольются:
Глыба мертвая молчит;
Все одето ризой света,
Все согрето, а она —
Серым мхом полуодета
И мрачна и холодна.

Но у этой мертвой глыбы
Жизни чудное зерно
В сокровенные изгибы
До поры схоронено.
Вот – удар! Она проснулась,
Дикий звук произнесла,
И со звуком – встрепенулась
Брызга света и тепла:
Искра яркая вспрыгнула
Из темницы вековой,
Свежим воздухомдохнула,
Красной звездочкой блеснула,
Разгорелась красотой.
Миг еще – и дочь удара
В тонком воздухе умрет,
Иль живым зерно пожара
Вдруг на ветку упадет, —
Разовьется искра в пламень,
И, дремавший в тишине,
Сам ее родивший, камень
Разрушается в огне.
Долго дух в оцепенении
Безответен и угрюм,
Долго в хладном онемении
Дремлет сердце, дремлет ум;
Долго искра золотая
В бездне сумрачной души,
В божий мир не выступая,
Спит в бездейственной тиши;
Но удар неожиданный грянет —
Искра прянет из оков
И блистательно проглянет

Из душевных облаков,
И по миру пролагая
Всепалящей силой путь,
И пожары развивая,
Разрушает, оговая,
Огнетворческую грудь.

Возвратись!

В поход мы рядились; все прихоти – в пламень,
А сабли на отпуск, коней на зерно; —
О, весело шаркать железом о камень
И думать: вот скоро взыграет оно!
Вот скоро при взмахе блеснет и присвистнет!
Где жизнь твоя, ратник? Была такова!
Фонтанами влага багровая прыснет,
Расколото сердце, в ногах голова!
А кони – а кони – я помню лихова!
Казацкая прелесть; глаза – два огня;
Друзья любовались, и чаша донскова
Ходила во здравье донского коня.
Он ратный сочлен мой, я мыслил порою,
Я праведной чести с него не сниму:
Пол – бремени пусть он разносит со мною,
А славу добуду – пол – славы ему!

Уже мы если, снаряженные к брани,
Родным и знакомым последний привет;
Гремучие клики прощальных желаний
Летели, как буря, за нами вослед.
Друзья мне сулили в чужбине крамольной
За почестью почесть, кресты на кресты...
О други, простите! – Довольно! Довольно!
А что не спросили: воротишься ль ты?

Наперстники славы – мы дев покидали,
Любимых красавиц родной стороны,
И рыцарским жаром сердца трепетали
Под медным, тяжелым убором войны.
«Прости!» – прошептал я моей ненаглядной
У ног ее брякнул предбитвенный меч; —
Смутилась – и лепет волшебю – нескладный
Сменил ее тихую, плавную речь.
Не общим желаньем она пламенела, —
Нет, заревом чувства ланиты зажглись;
С последним лобзаньем в устах ее млею
Одно только слово, одно: «возвратись!»

Чу! грянули трубы; колонны столпились;
Радушно – покорны священному звуку,
Торжественно, дружно главы обнажились;
Ружье на молитву, душа к божеству!
В глазах просияла, протеплилась вера,
Небесною влагой намокли глаза:

По длинным, по мшистым усам гренадера

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.